

Алекс Норт

Контракт с Богиней

Том 1

Контракт с богиней

Алекс Норт

Контракт с богиней. Том 1

«Автор»

2026

Норт А.

Контракт с богиней. Том 1 / А. Норт — «Автор»,
2026 — (Контракт с богиней)

Кто бы мог подумать, что совершённые в жизни поступки действительно могут повлиять на твою судьбу после смерти. Просадив здоровье за компом, я встретил вполне очевидный конец. Но на этом всё не закончилось. Очнувшись в пустоте и повстречавшись с могущественной сущностью, я получил редкий шанс начать всё заново в другом мире. Только вот, очков морали для нормального перерождения оказалось маловато. В итоге мы имеем полный рандом, начиная с возраста и пола, и заканчивая самим миром. И единственный плюс во всём этом – возможность изменить одну переменную и стартовать хоть с чем-то. Прекрасно понимая, что банальные вещи никак не спасут от случайности, я решил не мелочиться.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алекс Норт
Контракт с богиней. Том 1

Серия «Контракт с богиней»

© Алекс Норт, 2026

Глава 1

В моей берлоге, или, если говорить юридическим языком, в убогой съёмной однокомнатной квартире на самой окраине спального района, редко что-то менялось. На столе почти всегда стояла тарелка с остывшей, покрывшейся твёрдой корочкой пиццей, картонные коробки от которой были разложены по всей квартире. Рядом располагались банки дешёвого энергетика со вкусом вишни. Они же заполняли и без того набитую мусорную корзину. Мусорные мешки заняли место в коридоре в ожидании того, что я однажды вспомню о них. Но я не вспоминал.

Я вальяжно, с хрустом в затёкшей пояснице, откинулся на спинку потёртого кресла. Когда-то, на пике моей короткой, но яркой карьеры, оно было ослепительно-красным, с гордым логотипом известного киберспортивного бренда на подголовнике. Но за годы непрерывного, многочасового использования эко кожа облезла, поролон промялся, приняв анатомическую форму моего тела. Кресло стало моим тронem, моей кроватью и моим единственным надёжным убежищем.

Сегодня в комнате снова царил привычный полумрак. Изогнутый тридцатидюймовый монитор отбрасывал на не видевшее солнца лицо синеватый отблеск. Плотные шторы на единственном окне были наглухо задёрнуты, надёжно отсекая любые признаки существования внешнего мира. Утро там сейчас, глубокая ночь, дождливый вечер пятницы или вообще обед вторника – для меня это давно перестало иметь какое-либо значение. В этой комнате не существовало земного времени, оно было отменено за ненадобностью. Мои личные, внутренние часы измерялись кулдаунами ультимативных способностей, таймингами появления лута на серверах, длительностью штрафов за выход из матча и редкими, ленивыми вылазками на кухню или в туалет.

Я скосил уставшие, покрасневшие глаза на правый край огромного стола. Рядом с чёрным, занимающим половину доступного пространства ковриком для мыши, высилась угрожающе накренившаяся башня из пустых алюминиевых банок. Чуть дальше валялись скомканые бумажные салфетки, переплетённые провода от старых гарнитур, какие-то флешки и несколько неоплаченных счетов за электричество, которые я использовал в качестве подставок под горячее.

А прямо под столом, у моих ног, одетых в тёплые шерстяные носки, тихо, но натужно гудел системный блок. Мой личный цифровой монстр, собранный на заказ за баснословные деньги. Прозрачная боковая панель из закалённого стекла открывала вид на завораживающее переплетение трубок жидкостного охлаждения, по которым безостановочно бежала неоновозелёная жидкость. Кулеры мерцали настраиваемой RGB-подсветкой, синхронизированной с происходящим на мониторе. Этот зверь тянул любую современную игру, стабильно выдавая двести сорок кадров в секунду без единого просадка даже в самых тяжёлых, перегруженных спецэффектами замесах. Пожалуй, это была единственная по-настоящему ценная вещь в этом царстве запустения и пыли.

А ведь когда-то всё было иначе. Я не всегда был классическим затворником без будущего. Пару лет назад я был профи. Настоящим, сертифицированным, с официально подписанным контрактом, ежемесячной зарплатой, менеджером и толпой крикливых фанатов в социальных сетях. Около года назад наша команда, состоящая из таких же гиперактивных подростков, вырвала победу на крупном международном турнире. Я до сих пор, закрывая глаза, иногда вижу тот момент: оглушающий рёв тысячной толпы на стадионе. Слепящий, бьющий прямо в глаза свет софитов, тяжесть кубка в руках и чек на сумму с таким количеством нулей, что у девятнадцатилетнего пацана из бедной семьи просто снесло крышу.

Тогда казалось, что жизнь – это сплошной, бесконечный чит-код на деньги и успех. Бесконечные интервью, где я нёс какую-то пафосную чушь, спонсорские девайсы, присылаемые

коробками, тысячи преданных зрителей на личных трансляциях, которые донатили мне просто за то, что я чихнул в микрофон.

Призовых с того турнира с лихвой хватило, чтобы с широкой ухмылкой послать к черту нудный университет прямо посреди сессии, снять эту квартиру, запереться в ней и окончательно, с особым, изошрённым цинизмом разорвать все связи с тем, что обычные люди по какому-то недоразумению называют «реальной жизнью».

Но слава в интернете живёт не дольше баффа от лечебного зелья. Команда развалилась из-за банальной человеческой жадности, бесконечных внутренних склок из-за распределения спонсорских денег и грязных интриг нашего ушедшего менеджера. Контракты истекли и не были продлены. Организация набрала новый, более молодой и голодный состав. А стримить самому мне было откровенно впадлу. Я искренне ненавидел развлекать толпу в чате, кривляться на веб-камеру, благодарить за сторублёвые донаты и отыгрывать роль клоуна. Я не шоумен, я просто хладнокровная машина для убийств в виртуальном пространстве. Я предпочитал молча, методично и жестоко уничтожать противников на сервере, доказывая своё превосходство делом, а не болтовнёй.

А деньги... Деньги, которые год назад казались мне неисчерпаемым источником, аналогом бесконечной маны, имели мерзкое свойство испаряться. Аренда жилья, дорогушие ежедневные доставки готовой еды из ресторанов, новые, редкие внутриигровые скины на оружие, регулярный апгрейд железа – всё это сожрало мой внушительный капитал быстрее, чем я успел это осознать.

Пару часов назад, во время бесконечного ожидания сбора рейда, я совершил героическую вылазку вглубь квартиры – к холодильнику. Открыв белую, заляпанную отпечатками пальцев дверцу, я долго смотрел внутрь, освещаемый тусклой, мерцающей лампочкой. Холодный воздух обдал моё лицо, принося с собой запах безнадёги.

Картина внутри была удручающей, как статистика бронзового игрока с двадцатипроцентным винрейтом. На верхней стеклянной полке, словно забытый артефакт, лежал сморщенный, покрывшийся пушистой белой плесенью кусок лимона. Чуть ниже, в гордом одиночестве, стояла пластиковая банка самого дешёвого майонеза, на дне которой оставалась жалкая, подсохшая по краям лужица желтоватой субстанции. И венец этого кулинарного великолепия, настоящий босс этого подземелья – открытая вакуумная упаковка сосисок, срок годности которых истёк ещё в начале прошлого месяца. Они подозрительно блестели в свете лампы, покрытые какой-то склизкой плёнкой.

Я достал из кармана растянутых спортивных штанов телефон и открыл банковское приложение. Баланс на главном экране пробивал дно, настойчиво мигая красным цветом. Четыреста тридцать два рубля. Всё. Это был мой золотой запас на ближайшую вечность. Этого хватит разве что на пару пачек самой дешёвой лапши быстрого приготовления и батон хлеба.

Стоя босиком на холодном линолеуме кухни, я ощутил, как кольцо сужается. Завтра наступит точка невозврата. Завтра нужно платить за аренду квартиры, иначе арендодатель, неприятный мужик с пузом, просто выставит мой драгоценный системный блок на лестничную клетку. Придётся переступить через свою раздутую гордость победителя, искать в контактах номер бывшего агента, унижаться, извиняться и проситься в какой-нибудь третьесортный стак новичков. Придётся снова играть тренировочные матчи по пятнадцать часов в день, выслушивать истеричные крики бездарного капитана и фармить копейки, просто чтобы не сдохнуть от голода. Но... это проблемы завтрашнего дня. А сейчас у меня рейд.

Я вернулся в комнату, с облегчением рухнул обратно в объятия кожаного кресла и надел на голову тяжёлые, плотно прилегающие студийные наушники. Как только амбушюры коснулись ушей, шум внешнего мира исчез окончательно. Я вернулся домой.

– Макс, ты тут? Бро, у нас полная жопа, – раздался в динамиках напряжённый, срывающийся на панику голос.

Это был Дэн. Мой единственный оставшийся друг, бессменный напарник по всем мыслимым многопользовательским играм и человек, с которым я общался исключительно через голосовой чат. Мы не виделись вживую уже года три, я даже смутно помнил, как выглядит его лицо без аватарки, но в виртуальном пространстве мы были связаны крепче родных братьев. Дэн был отличным парнем, неплохим саппортом, но ему катастрофически не хватало хладнокровия. Он быстро ломался под давлением.

– Я здесь, Дэнчик. Ходил проверить холодильник, – лениво отозвался я, щёлкнув ключом открывалки на новой банке энергетика. Раздался приятный пшик. – Что у нас по ситуации?

– По ситуации у нас вайп, вот что! – истерил напарник. – Мы сидим в "Цитадели Пустоты" уже третий грёбаный час!

На моём мониторе разворачивалась финальная фаза самого сложного, хардкорного рейда в популярной MMORPG-шутере, который недавно добавили с новым патчем. "Цитадель Пустоты" – локация, рассчитанная на отряд из восьми сыгранных, одетых в топовую экипировку игроков. Мы пошли туда с группой рандомов, собранных на форуме. И, как это обычно бывает, всё пошло не по плану.

Локация представляла собой огромную, парящую в космосе арену, залитую фиолетовым светом. В центре возвышался финальный босс – огромная тварь, состоящая из геометрии, тёмной материи и ненависти к игрокам. Я бегло оценил интерфейс. Он был моим приборным щитком. Десятки иконок, полоски здоровья, таймеры и мини-карта.

Из восьми человек в живых остались только двое. Я и Дэн. Шестеро наших горе-сокомандников валялись серыми трупиками по всей арене. Текстовый чат в левом нижнем углу разрывался от их токсичных комментариев, мата и взаимных обвинений.

«[Xx_Нагибатор_xX]: Пиз***, хилы спят! Почему меня не отхилили?!»

«[УбийцаЭльфов]: Танк криворукый да**, агро не держит!»

«[Сладкая_Булочка]: Ребят, давайте заново, они вдвоём не затащат, у босса ещё 15% хп...»

«[ShadowStrike]: Жмите рестарт, не тратьте время, дебилы.»

– Макс, у босса пятнадцать процентов здоровья! – голос Дэна дрожал. Я видел его персонажа на экране. Он играл за поддержку, жался за чудом уцелевшей хрустальной колонной на краю арены. – У меня маны ноль. Буквально ноль! Я пустой! Аптечек нет, кулдаун на воскрешение союзников ещё три минуты! Босс сейчас вызовет вторую волну аддов, нас просто растопчут! Жми кнопку суицида, начинаем заново!

– Расслабь булки, Дэн, – я искренне рассмеялся, хрустнув затёкшими костяшками пальцев.

Мои руки, почти прозрачные от тотального недостатка витамина «D», привычно легли на механическую клавиатуру. Пальцы инстинктивно нащупали макросные клавиши. Правая рука намертво обхватила эргономичную мышь с тефлоновыми ножками, скользящую по коврику.

В отличие от Дэна и ноющих в чате рандомов, я был абсолютно спокоен. Мой пульс не участился, дыхание оставалось глубоким и ровным. Для меня эта игра, этот рейд, этот страшный босс давно перестали быть просто пикселями на экране. Это была открытая математическая матрица. Я видел саму структуру кода. На подкорке чувствовал тайминги анимаций атак босса, радиусы поражения его заклинаний, скорость полёта снарядов. Я не смотрел на грозную текстуру монстра – я видел набор хитбоксов и паттерны его ИИ.

– Дэн, слушай внимательно, – мой голос стал командирским. Режим профи активировался сам собой. – Сиди за колонной и не высывайся. Если в тебя прилетит шальной урон, ты труп. Просто смотри и учись.

– Макс, ты сумасшедший! У него ещё куча здоровья! А сейчас попрут элитные mobs! Ты играешь за хрупкого снайпера-ассасина, он тебя ваншотнет!

– Следи за руками, – усмехнулся я.

Босс издал оглушительный цифровой рёв, от которого завибрировали динамики наушников. Вокруг вспыхнули красные руны – анимация призыва. Из порталов на арену посыпались «адды» – элитные бронированные стражи с мечами. Плюс сам босс начал кастовать свой ультимативный навык – огромный луч энергии, который прошивал укрытия насквозь.

«[Xx_Нагибатор_xX]: Хахаха, ну давай, киберспортсмен ху**, покажи класс», – мелькнуло в чате желчное сообщение одного из мертвецов.

Я не обратил на него ни малейшего внимания. Мой мозг переключился в состояние потока. Пальцы запорхали по механической клавиатуре с такой скоростью, что слились в размытое пятно. Клики мыши зазвучали как тихая, непрерывная пулемётная очередь. Я начал танец.

Персонаж на экране, одетый в тёмный тактический плащ, сорвался с места. Я использовал навык рывка, чтобы за долю секунды до выстрела уйти с траектории лазерного луча босса. Луч прожёт землю ровно в том пикселе, где моя пятка находилась мгновение назад.

Не останавливая движения, в прыжке, скроллом мыши переключился на крупнокалиберную снайперскую винтовку. Мне не нужно было дожидаться, пока перекрестие оптического прицела сойдётся в точку. Это называется «флик-шот» – выстрел, основанный исключительно на мышечной памяти и интуиции. Правая рука дёрнула мышь ровно на полтора сантиметра вправо. Прозвучал выстрел.

Первый элитный страж лишился головы и осыпался цифровым пеплом. Как только мои ноги коснулись виртуальной земли, я прожал комбинацию из трёх клавиш: бросок гранаты, смена оружия, активация навыка «Ускорение времени». Мой персонаж двигался в два раза быстрее обычного. Я начал кайтить толпу. Чертил на арене сложную геометрическую фигуру, заставляя туповатый ИИ мобов сбиваться в кучу.

– Три секунды до взрыва, – вслух отсчитывал я тайминги. – Две. Одна.

Брошенная мной ранее граната взорвалась точно в центре толпы стражей, снимая им всем по половине брони. Я тут же разрядил в них обойму из пистолета-пулемёта, контролируя отдачу движением мыши вниз. Строчки лога убийств в углу экрана замелькали с бешеной скоростью. Минус два. Минус три. Минус пять. Босс снова замахнулся, выпустив по площади самонаводящиеся сферы тёмной материи. Одно попадание такой сферы убило бы моего хрупкого персонажа мгновенно.

– Макс, сферы! Сзади! – заорал Дэн.

– Вижу, – меланхолично ответил я.

Я отпустил правую руку от мыши, чтобы взять со стола банку энергетика, и сделал глоток. Моя левая рука в это время продолжала солировать на клавиатуре. Я управлял персонажем одной рукой, используя стрейфы и прыжки, уворачиваясь от самонаводящихся сфер так, словно они летели в замедленной съёмке. Между моделькой моего героя и смертельным уроном оставались считанные миллиметры, но для меня этого было более чем достаточно. Это была математика. Если хитбокс не пересекается – урона нет.

Я поставил банку обратно на стол, вернул руку на мышь и снова достал снайперскую винтовку. Оставшиеся четыре элитных стража попытались взять меня в кольцо. Прыжок от стены, разворот в воздухе на сто восемьдесят градусов. Клик, клик, клик, клик. Четыре выстрела прозвучали с интервалом в миллисекунды. Четыре сочных звука пробитого черепа. Арена опустела, остался только босс.

В чате повисла гробовая тишина. Даже самые токсичные рандомы перестали печатать свои гадости. Они смотрели на то, как работает настоящий профессионал, игрок совершенно другого порядка, застрявший в этой песочнице по нелепой случайности судьбы.

– Так, чудилище щупальцевое, теперь мы с тобой один на один, – я хищно улыбнулся, облизнув пересохшие губы.

У босса оставалось десять процентов здоровья, но он перешёл в фазу «Ярости». Скорость его атак возросла втрое. Вся арена покрылась красными зонами предупреждений об уроне. Безопасных мест почти не осталось. Мой показатель действий перевалил за три сотни. Руки работали автономно от сознания. Я уклонялся от ударов, вплетая выстрелы в микроскопические паузы между его анимациями. Удар слева – делаю подкат, стреляю в колено. Замах сверху – использую крюк-кошку, взмываю над ним и всаживаю пулю прямо в мерцающий глаз на темени.

По моим венам разливалось то самое пьянящее чувство контроля, ради которого я и сидел в этой душевной комнате. В реальном мире я мог быть банкротом, неудачником, чьи сосиски протухли, а баланс карты вызывал слёзы. Я мог быть жалким куском мяса, боящимся звонка от арендодателя. Но здесь, на этих полигонах... Здесь я был богом. Здесь законы физики подчинялись моим рефлексам. Я решал, кто живёт, а кто рассыпается пиксельной пылью. Я не напрягался, а искренне наслаждался процессом доминирования над системой.

– Пять процентов, Макс! Давай! – орал Дэн в микрофон так громко, что у меня заложило ухо. – Он сейчас кастанет!

– Ещё десять секунд. Это целая вечность, бро, – хмыкнул я.

Я перестал бегать. Остановил своего персонажа прямо перед колоссальной тушей босса. Он также замер, собирая энергию для финального, уничтожающего всё живое взрыва. Над ним появился таймер обратного отсчёта. Я активировал все оставшиеся баффы на урон. Переключился на самое медленное, но самое мощное оружие в игре – рельсотрон.

– Что ты делаешь?! Беги за укрытие! – визжал Дэн.

«[ShadowStrike]: Он дурак, он не успеет зарядить пушку! Мы трупы!» – всплыло в чате сообщение.

– Заткнись и смотри, – тихо процедил я.

Шкала зарядки рельсотрона медленно ползла вправо. Босс светился ослепительно-фиолетовым светом, готовый обрушиться на меня ядерный апокалипсис. И вот, когда оставались считанные секунды, мой палец нажал на левую кнопку мыши. Экран озарился ослепительной вспышкой. Огромный, толщиной с дерево луч плазмы прошёл босса насквозь ровно за ноль целых одну десятую секунды до того, как его таймер дошёл до нуля.

Босс издал пронзительный предсмертный визг, его текстуры начали искажаться, распадаясь на миллионы светящихся полигонов. Огромная туша медленно рухнула на колени, а затем рассыпалась, оставив после себя гору легендарного лута. На весь экран выскочила золотая, сияющая надпись: «Рейд пройдёт. Выживших: двое».

Чат в ту же секунду просто взорвался.

«[Xx_Нагибатор_xX]: АААААААААА! ЧТО ЭТО БЫЛО?!»

«[Сладкая_Булочка]: Господи, добавь меня в друзья! Пожалуйста!»

«[УбийцаЭльфов]: Я просто удаляю игру. Я так никогда не смогу.»

«[ShadowStrike]: Беру свои слова назад. Ты еб**** монстр, мужик. Респект.»

– Макс... – голос Дэна дрожал, но теперь уже от благоговения и адреналинового отходняка. – Ты... ты просто ненормальный психопат. Если бы ты промахнулся хоть на пиксель, мы бы проиграли.

– Я не промахиваюсь, Дэн, – я лениво зевнул, потягиваясь в кресле. – Говорил же, это всё математика. Погнали лутать этого бедолагу, мне нужны его перчатки на шанс крита.

Я откинулся на спинку, чувствуя, как адреналин медленно покидает тело, оставляя после себя приятную пустоту. Очередная доза получена. Очередное доказательство моей исключительности зафиксировано на сервере. Я был расслаблен. Моя империя, пусть и виртуальная, снова была в безопасности.

Глава 2

Я подвёл курсор к мерцающему сундуку с лутом, предвкушая награду. Оставалось сделать один лёгкий клик. Никакого напряжения, никакой опасности. Идеальный момент триумфа. Нажатие левой кнопки мыши отозвалось приятным щелчком переключателя. В ту же секунду на экране раздался торжественный, оркестровый перезвон, и из рассыпающейся туши босса вырвался сноп ослепительно-золотого света. Это был не просто эпический дроп. Это был «мифик» – вещи мифического качества, шанс выпадения которых составлял жалкие три процента.

– Да ладно... – охнул Дэн в голосовом чате. Звук его голоса исказился из-за того, что он, судя по всему, слишком близко придвинулся к микрофону. – Макс, ты видишь то же, что и я? Скажи мне, что у меня не галлюцинации от недосыпа.

– Вижу, Дэнчик. Вижу и не верю своим глазам, – я довольно хмыкнул, откинувшись на спинку скрипнувшего кресла. Мои пальцы, ещё пару минут назад выбивавшие на клавиатуре запредельную скорость, теперь расслабленно поглаживали колёсико мыши.

На экране, прямо поверх остывающего поля битвы, парили три предмета, подсвеченные пульсирующим золотым сиянием. Первым висел «Осколок первозданной пустоты» – уникальный ресурс для крафта топового оружия, который на внутриигровом аукционе стоил столько, что на эти виртуальные деньги можно было бы месяц питаться в реальной жизни. Второй вещью оказался «Венец Исказителя» – тяжёлый шлем для танков, который нам с Дэном был бесполезен, но зато его можно было выгодно обменять. А вот третья вещь заставила моё сердце, и так измученное тремя банками энергетика, вновь забиться с удвоенной силой.

«Перчатки абсолютного ничто». Класс: Снайпер-Ассасин. Характеристики: +150 к ловкости, +40% к критическому урону, пассивный навык «Игнорирование брони». Это была лучшая, сломанная по своим статам шмотка в текущем патче. И она идеально подходила под мой билд.

– Молю, скажи, что у нас стояло распределение лута лидером, а не случайный ролл, – с мольбой в голосе произнёс Дэн. – Если эти перчатки сейчас улетят кому-то из этих мёртвых вагонов, которые весь рейд пролежали лицом в пол, клянусь, я удалю игру и разобью монитор.

– Обижаешь, бро, – я усмехнулся, в пару кликов открыв панель управления группой. – Я же не первый день играю. Лут-мастер всегда я. Ни одна рандомная мышь не получит то, что мы вытащили на своём горбу.

Я методично, не обращая внимания на разрывающийся от истерики текстовый чат, перетаскивал перчатки и осколок в свой инвентарь, а шлем для танка скинул Дэну. В ту же секунду интерфейс в левом нижнем углу начал сходить с ума. Система уведомляла меня о новых запросах в друзья. Шестеро наших мёртвых сокомандников внезапно забыли всю свою токсичность, все свои оскорбления и теперь отчаянно пытались добавить меня во френд-лист, попутно умоляя в личных сообщениях отдать им хоть что-нибудь.

«[Xx_Нагибатор_xX]: Бро, отдай шлем, плиз! Я танк, мне нужнее! Я заплачу голдой!»

«[Сладкая_Булочка]: Максик, ты такой крутой! Возьми меня в постоянную пати, я буду тебя хилить!»

«[УбийцаЭльфов]: Мужик, продай осколок за реал! Переведу на карту прямо сейчас!»

– Смотри, как запели, – презрительно фыркнул я, методично нажимая крестик «Отклонить» на каждом запросе. – Детишки думают, что если они поноют в личку, я стану благотворителем.

– Ага, а пять минут назад грозились репорт кинуть за то, что мы их не ресаем, – засмеялся Дэн. В его голосе наконец-то пропала та нога паники, которая бесила меня весь рейд. Он

расслабился. – Слушай, ну ты и выдал, конечно. Я думал, нам конец. Как ты вообще уклонился от того луча? Там же фрейм неузвимости минимальный!

– Практика, Дэн, голая практика и полное отсутствие личной жизни, – иронично ответил я, кликнув правой кнопкой мыши по новеньким перчаткам в инвентаре. Моделька моего персонажа мгновенно преобразилась: на руках появились стильные чёрные краги, от которых исходил лёгкий эффект фиолетовой дымки. Характеристики урона в профиле взлетели до небес. – Я этот тайминг на тренировках в соло-режиме отработывал часов десять, пока пальцы не стёр. Ты же знаешь, я не верю в удачу. Я верю только в математику и пинг.

– Ну, пинг сегодня определён на твоей стороне, в отличие от моего, – Дэн громко выдохнул в микрофон. Послышался щелчок зажигалки, он закурил. – Фух... Меня аж трясёт. Адреналин отпускает. Слушай, а если серьёзно, этот шлем... он мне на саппорта вообще ни к селу ни к городу. Давай продадим его на аук, а голду попилим пополам? Мне как раз не хватает на маунта нового.

– Забирай всё, мне голда сейчас не нужна, – отмахнулся я. – С этими перчатками я теперь могу в соло закрывать половину данжей в игре. Мой ДПС вырос так, что боссы будут плакать и сами отдавать свои вещи.

– Да ладно? Весь шлем мне? – удивился друг. – Макс, ты сегодня щедрый, как никогда. Что случилось? У тебя там кто-то умер и оставил тебе наследство, или ты наконец нашёл работу?

Упоминание реальной жизни и работы кольнуло меня прямо в сердце. Мой взгляд невольно скользнул поверх края монитора, уперевшись в стену, на которой висели пустые рамочки от старых грамот и пара пыльных бейджей с турниров. Я вспомнил о балансе на банковской карте, о протухших сосисках, о том, что завтра мне нужно будет как-то смотреть в глаза хозяину квартиры, который придёт за арендной платой. А ещё о том, что мне придётся звонить людям, которых я терпеть не могу, чтобы попроситься обратно в профессиональную лигу на унижительных условиях.

Но Дэн был по ту сторону экрана. Он был в моем идеальном мире, где я был богат, успешен и силен. И тащить в этот мир грязь реальности мне совершенно не хотелось.

– Очень смешно, – я выдавил из себя лёгкий смешок, стараясь, чтобы он звучал максимально естественно. – Просто сегодня у меня хорошее настроение. К тому же, кто-то же должен одевать своего карманного саппорта, иначе ты так и будешь падать с одной тычки любого моба. Считай это инвестицией в моё спокойное будущее.

– Принимается, о великий кибер-бог, – рассмеялся Дэн. – Слушай, а мы вообще сколько уже сидим? Я потерялся во времени.

Я перевёл взгляд на маленькие цифровые часы в правом нижнем углу второго монитора. Белые цифры на чёрном фоне безжалостно сообщали: девять часов сорок семь минут. Утро воскресенья.

– Почти десять утра, – констатировал я, чувствуя, как от произнесённого вслух времени на плечи вдруг навалилась невидимая бетонная плита.

– Жест... – протянул Дэн. – Мы начали в субботу вечером. Неудивительно, что у меня глаза песком засыпало. Всё, бро, я пас. Мой мозг сейчас превратится в кашу, а мне завтра на пары в универ пилить. Пойду, наверное, в душ сгоняю, закажу себе шаурмы, и спать до талого.

Слово «шаурма» резануло по ушам. Мой пустой желудок, который последние три дня переваривал только химию энергетиков и сухую корку старой пиццы, болезненно спазмировался, издав громкое урчание. К горлу подступила лёгкая, кислотная тошнота.

Я вдруг осознал, насколько сильно устал. Адреналин, который бушевал в крови во время битвы с боссом, стремительно испарялся, оставляя после себя выжженную пустыню. Голова казалась набитой свинцом. В висках пульсировала боль, отдающая в затылок при каждом моргании.

– Да, давай закругляться, – мой голос прозвучал неожиданно глухо и хрипло. Я попытался прочистить горло, но оно пересохло настолько, что связки царапали друг друга, как наждачная бумага. – Мы закрыли контент, апнули рейтинг. Программа минимум выполнена.

– Окей. Тогда до вечера понедельника? Зайдём, потестим твои новые перчатки на ком-нибудь?

– Замётано. Давай, удачи с шаурмой. Не отравись там.

– Бывай, бро, и спасибо за рейд. Ты сегодня реально превзошёл сам себя. Это было легендарно.

Раздался характерный короткий звуковой сигнал. Дэн отключился от голосового канала. Его зелёная иконка в левом углу экрана погасла, превратившись в серый кружок со статусом «Не в сети». В ту же секунду на меня обрушилась тишина. В ней не было ничего, кроме монотонного гудения шести мощных кулеров внутри системного блока да редкого постукивания каплей из незакрытого крана на кухне. Без голоса друга, без звуков стрельбы и магии, моя комната внезапно показалась мне склепом. Склепом, в котором я добровольно замуровал себя заживо.

Я сидел неподвижно, уставившись в центр экрана. Мой персонаж, закованный в сверкающую броню с новыми мифическими перчатками, гордо стоял посреди разрушенной арены. Он был идеален. У него не было синяков под глазами, у него не болела спина, не было долгов и пустого холодильника. Он был всем тем, чем не был я.

«Надо встать, – подумала та часть моего мозга, которая ещё отвечала за базовые инстинкты самосохранения. – Надо встать, дойти до дивана и просто вырубиться. А перед этим выпить воды. Много воды. Иначе почки отвалятся».

Я перевёл взгляд на стол. Рядом с клавиатурой стояла последняя банка энергетика. Я потянулся к ней правой рукой, чтобы сделать глоток, но вдруг заметил странную вещь. Мои пальцы дрожали. Это был не лёгкий тремор от перенапряжения после долгой игры, а неконтролируемая дрожь, словно по нервам пустили слабый переменный ток. Я нахмурился, сжал пальцы в кулак и снова разжал. Дрожь никуда не делась. Напротив, она начала подниматься выше, к запястью.

«Перебрал с кофеином», – спокойно диагностировал я собственное состояние. За последние сутки я влил в себя четыре литра этой дряни. Неудивительно, что мотор барахлит.

Я обхватил алюминиевую банку, поднёс её к губам и запрокинул голову. На дне оставалась буквально пара капель приторно-сладкой жидкости. Она не утолила жажду, а лишь оставила во рту мерзкий химический привкус. Я с раздражением швырнул пустую банку в угол комнаты, где она со звонким грохотом приземлилась в кучу своих собратьев.

– Ладно, Макс, пора на боковую, – произнёс я вслух, просто чтобы услышать собственный голос и прогнать давящую тишину.

Я медленно поднял руки к голове и стянул наушники, аккуратно повесив их на специальную подставку слева от монитора. Мир стал ещё тише, ещё более реальным и отвратительным. Я положил обе ладони на потёртые подлокотники своего кресла. План был прост и тривиален: опереться на руки, перенести вес тела вперёд, выпрямить ноги, сделать пять шагов до дивана и упасть на него лицом вниз, не раздеваясь. Я проделывал этот маршрут тысячи раз. Он был отработан не хуже, чем стрейфы в шутере.

Я сделал глубокий вдох, собираясь с силами. На выдохе напряг руки и попытался оттолкнуться от кресла, подаваясь корпусом вперёд. И вот в этот самый момент, в эту жалкую долю секунды между намерением и действием, система моего организма выдала критическую ошибку.

Первое, что произошло – ноги просто отказались принимать вес тела. Словно кто-то в один миг выкачал из них все кости и мышцы, заменив их на жидкую вату. Я успел оторвать задницу от сиденья ровно на пять сантиметров, как колени предательски подогнулись. Я нелепо

рухнул обратно в глубокую чашу кресла. Пружинный механизм под сиденьем скрипнул, принимая удар.

«Какого черта? – пронеслась в голове ещё не окрашенная паникой мысль. – Затекла спина? Отсидел ноги? Такое бывает, если сидеть в одной позе слишком долго. Нужно просто помассировать бедра и подождать, пока кровь снова начнёт циркулировать».

Я опустил глаза вниз, намереваясь размять занемевшие ноги, и тут мир вокруг меня перевернулся. Внезапная, невероятной силы волна головокружения ударила прямо в затылок. Это было не обычное лёгкое помутнение, когда резко встаёшь с дивана. Это было похоже на то, как если бы кто-то схватил комнату за углы и с силой крутанул её вокруг моей оси.

Края моего зрения моментально начали темнеть. Эффект туннельного зрения. Огромный тридцатидюймовый монитор, светившийся яркими красками игры, внезапно начал сужаться, отдаляться, превращаясь в крошечное, размытое окно в конце длинного, чёрного коридора. Цвета стремительно выцветали, теряя насыщенность, превращаясь в оттенки грязно-серого.

– Эй... – прохрипел я, пытаюсь сфокусировать взгляд на клавиатуре.

Голос не слушался. Звук получился жалким. Язык во рту распух, стал огромным, неповоротливым куском чужого мяса, перекрывая гортань. Я попытался поднять правую руку, чтобы схватиться за край стола – единственный стабильный ориентир в этом вращающемся хаосе. Мозг послал предельно чёткий, отчаянный сигнал. Мышцы должны были сократиться, рука подняться. Но ничего не произошло.

Правая рука, как и левая, продолжала безвольно лежать на подлокотнике. Пугающее онемение, которое пару минут назад началось с лёгкого тремора в пальцах, теперь стремительно ползло вверх. Оно уже достигло локтей, сковало плечи, перекинулось на грудь. Я больше не чувствовал своих конечностей. Стал пленником внутри собственного, стремительно умирающего тела.

И тут пришла боль. Она была не резкой или колющей, а тупой, всеобъемлющей, раздавливающей. словно кто-то невидимый положил мне на грудную клетку раскалённую свинцовую наковальню и начал медленно давить вниз. Моё сердце, измученное бессонными ночами, стрессом киберспортивных баталий, полным отсутствием движения и цистернами кофеина, наконец-то сдалось. Оно затрепыхалось в груди безумным ритмом. Удар. Пауза. Три быстрых, болезненных спазма подряд. Длинная, жуткая пауза, во время которой в ушах повис оглушительный, нарастающий звон. А затем – чудовищный удар о ребра изнутри, от которого в глазах вспыхнули яркие белые вспышки.

Кислород. Мне нужен был кислород. Я инстинктивно раскрыл рот как можно шире, пытаюсь сделать вдох, втянуть в себя спасительный воздух. Грудь должна была подняться, диафрагма опуститься. Но мои межрёберные мышцы были парализованы. Я хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, но в лёгкие ничего не поступало. Огонь нехватки кислорода начал пожирать клетки моего мозга с чудовищной скоростью.

И вот тогда, сквозь боль, сквозь звон в ушах и стремительно сужающееся зрение, пришёл он. Парализующий ужас. Он не имел ничего общего с тем лёгким испугом, который я испытывал, оставаясь один против четверых в игре. В игре у меня всегда был контроль. Была мышшь, клавиатура, мои рефлексy и математика паттернов. В крайнем случае, у меня всегда была кнопка рестарта.

Здесь контроля не было. Не было интерфейса, который подсказал бы мне, как использовать аптечку. Здесь не было даже Дэна, который мог бы кинуть бафф на исцеление. Я осознал – финал. Мой личный «Game Over». Прямо сейчас, в этой вонючей, заставленной пустыми банками комнате, двадцатилетний парень с кучей виртуальных достижений просто перестаёт существовать из-за того, что его физическая оболочка не выдержала издевательств.

Я умираю. Я, мать вашу, действительно умираю! И никто, ни один человек в мире, сейчас даже не догадывается об этом. Никто не вызовет скорую. Дэн сейчас, наверное, заказывает шаурму. А я сижу здесь и задыхаюсь.

Ужас оказался настолько сильным, что на долю секунды пробил физический паралич. Моё тело дёрнулось в последней, судорожной попытке спастись. Она оказалась фатальной. Центр тяжести сместился. Из-за того, что я сидел на самом краю кресла, наклонившись вперёд для несостоявшегося рывка, гравитация грубо и безжалостно вступила в свои права. Моя шея, больше не способная удерживать вес головы, обмякла. Торс начал неотвратимо заваливаться вперёд, к столу. Это падение казалось бесконечным.

Я видел, как поверхность моего огромного чёрного коврика медленно приближается к моему лицу. Видел каждую пылинку на нем. Краем глаза уловил мигание зелёных светодиодов на системном блоке. Я в последний раз вдохнул этот отвратительный, но такой родной запах остывшей пиццы и дешёвого пластика.

Мой персонаж всё так же гордо стоял посреди арены в своих мифических доспехах, слегка покачиваясь в анимации бездействия. Он был жив, бессмертен и прекрасен. А я летел в бездну. Какая же ирония.

Раздался громкий, множественный треск пластика. Лязг десятков механических переключателей слился в один хаотичный аккорд. Моё лицо со всего маху рухнуло прямо на клавиатуру. Квадратные, жёсткие пластиковые клавиши больно впились в правую щеку, в скулу, в бровь. Боль была острой, но она тут же начала угасать, растворяясь в общем онемении.

В открытый внутриигровой текстовый чат на экране полетел бесконечный, хаотичный поток бессмысленных символов, набранных моим безжизненным лицом. Курсор на экране мигал в конце длинной строчки, словно пульс на кардиограмме, ожидая, когда я нажму Enter.

Я лежал щекой на клавиатуре. Мой правый глаз был открыт и смотрел прямо в светящуюся матрицу монитора, который теперь находился всего в нескольких сантиметрах от лица. Пиксели, образующие фигуру моего персонажа, распадались на крошечные красные, зелёные и синие квадратики. Звон в ушах достиг своего апогея, превратившись в оглушающий рёв, а затем... резко оборвался. Звук кулеров компьютера, гудение холодильника на кухне, шум машин за закрытым окном – всё это было стёрто. Наступила тишина.

Светящийся экран монитора перед моим стекленеющим глазом мигнул в последний раз. Серая пелена, застилавшая обзор, мгновенно почернела. Изображение сжалось с краёв в одну крошечную, невыносимо яркую белую точку прямо по центру моей сетчатки. Эта точка подержалась долю секунды, словно прощаясь, а затем с тихим щелчком погасла.

Всё просто исчезло. Не было ни боли в разорванном сердце, ни удушья, ни сожалений. Моё сознание, словно отключённый от сервера клиент игры, было выброшено из физической оболочки. Меня поглотила бесконечная тьма. Пустота, в которой не было ни пространства, ни времени, ни меня самого.

Конец игры.

Глава 3

Кто-то говорит, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. Кто-то, что видишь яркий свет в конце туннеля, слышишь голоса давно ушедших родственников или чувствуешь невероятное, всеобъемлющее тепло, зовущее тебя к покою.

Всё это – полная чушь. Сказки для тех, кто боится темноты.

Никакого света не было. Туннеля тоже. Моя смерть не сопровождалась оркестровой музыкой или ангельским пением. Она была похожа на то, как если бы кто-то просто выдернул шнур питания из розетки. Раз, и система обесточена. Сервер упал, соединение разорвано.

Первым, что я осознал, вернувшись из небытия, было полное отсутствие боли. Тяжёлая наковальня, давившая на мою грудную клетку, исчезла. Огонь в лёгких, сжигающий меня изнутри от нехватки кислорода, погас. Жжение в остановившемся сердце растворилось без следа. Я больше не чувствовал удушья. Я вообще не чувствовал своего тела. Фантомное ощущение жёстких пластиковых клавиш, впивавшихся в мою щеку, испарилось.

«Я мыслю. Значит, я... существую?» – эта классическая, заезженная фраза всплыла в моём сознании первой, прозвучав на удивление чётко и ясно. Мой разум, который ещё секунду назад бился в агонии панического ужаса, теперь был чист. Словно после долгой, тяжёлой болезни с высокой температурой я внезапно проснулся здоровым. Никакой усталости, никакого тумана в голове.

Я попытался открыть глаза. Не был уверен, что у меня все ещё есть веки, но ментальный приказ сработал. Впрочем, разницы между открытыми и закрытыми глазами не оказалось никакой. Меня окружала тьма. Это была не просто темнота неосвещённой комнаты или беззвёздной ночи. Это был поглощающий всё сущее вакуум. Здесь не за что было зацепиться взгляду. Ни единого пикселя информации.

Я не чувствовал под собой опоры. Не было ни пола, ни стен, ни потолка. Не было гравитации, тянущей вниз, потому что понятие «низ» здесь отсутствовало в принципе. Я просто висел в этом бесконечном, беззвучном мареве, как строчка кода в пустом, ещё не скомпилированном движке игры.

«Окей. Я умер, – начал я размышлять. На удивление, эта мысль не вызвала ни истерики, ни страха. Лишь циничную усмешку где-то глубоко внутри моего бестелесного сознания. – Смерть от передоза энергетиками и недосыпа. Какая пошлая, клишированная смерть».

Я попытался пошевелить руками, оглядеться, но в этой пустоте любое движение теряло смысл. И вдруг раздался звук. Чёткий, ритмичный, звонкий. Звук шагов. Стук каблучков по поверхности, которой здесь физически не могло быть. Он приближался, эхом разлетаясь в вакууме, нарушая все законы физики и акустики.

Вместе со звуком появилась и визуальная аномалия. Прямо передо мной, метрах в десяти, чернота начала искажаться. Она пошла рябью, словно вода в пруду, в которую бросили камень. А затем ткань пустоты беззвучно разорвалась, пропустив внутрь источник тусклого, кроваво-красного свечения.

Я попытался сфокусировать взгляд. Из разорванного пространства шагнула фигура. Ослепительная, нереальная, невозможная в своей пугающей эстетике. Это была девушка, или, по крайней мере, существо, принявшее возведённую в абсолют человеческую форму. Если бы я играл в какую-нибудь корейскую MMORPG, то решил бы, что передо мной финальный босс скрытого подземелья или легендарный NPC, нарисованный целым штатом самых дорогих художников студии.

Она была высокой, невероятно стройной, с фигурой, которая казалась выверенной до миллиметра по законам золотого сечения. Ни грамма лишнего, только плавные изгибы. На ней было платье. Длинное, струящееся, алого цвета, напоминающего свежую кровь. Ткань не под-

чинялась законам физики, она жила своей жизнью, медленно колыхаясь и переливаясь во тьме, словно сотканная из пламени. У платья был высокий разрез, при каждом шаге обнажающий бледную, фарфоровую кожу длинной ноги.

Но больше всего поражало её лицо. Идеальные, точёные черты, аристократически тонкий нос и презрительно изогнутые губы. Волосы девушки были цвета бушующего пожара. Огненно-рыжие пряди, почти переходящие в алый, волной спадали ниже талии, слегка светясь в окружающей черноте.

А затем она подняла глаза. Они были такими же красными. Не карими с красноватым отливом, не цвета вина, а истинно, пугающе алыми. Два сияющих рубина, в которых не было ни капли человеческого тепла, ни грамма сочувствия. В них читалось лишь вселенское равнодушие существа, которое могло видеть рождение и смерть целых галактик.

Она остановилась в паре метров от меня. Воздух вокруг неё – или то, что заменяло здесь воздух – слегка искрился красным пеплом. Я ждал, что она заговорит. Ждал классического «Добро пожаловать в загробный мир, смертный» или чего-то в этом духе. Но она даже не удостоила меня прямым взглядом.

Девушка в алом раздражённо, едва заметно цыкнула. Она подняла изящную, унизанную тонкими чёрными кольцами руку на уровень груди. В воздухе перед ней из красных искр мгновенно соткался полупрозрачный, светящийся свиток или нечто, очень напоминающее голографический планшет с бегущими по нему непонятными символами. Рубиновые глаза начали быстро бегать по строчкам, считывая информацию.

– Объект номер... неважно, слишком длинное значение, – её голос разрезал тишину. Он был невероятно красивым, мелодичным, но при этом лишённым всяких эмоций. – Максим Зорцев, двадцать лет. Причина смерти – острая сердечная недостаточность на фоне критического истощения организма, тяжёлого обезвоживания и передозировки химией. Умер в грязной комнате, лицом на человеческом устройстве ввода информации.

Она сделала паузу. Брови едва заметно, приподнялись. В тоне проскользнула бьющая наотмашь нотка брезгливости.

– Поразительно убогий финал, – бросила она в пустоту, по-прежнему не глядя на меня. – Переходим к статистике жизненного цикла.

Я слушал её, испытывая странный коктейль из эмоций. С одной стороны, мне было дико некомфортно. Меня, профессионального игрока, привыкшего к обожанию в сети, сейчас разбирали на запчасти с интонацией патологоанатома. С другой стороны, мой мозг геймера уже начал анализировать ситуацию. Эта девушка – администратор, проводник, бог. Неважно. Она не враг и не друг, она просто выполняет свою работу.

– Достижения... – девушка в алом вздохнула, вчитываясь в голограмму. – Социальная полезность: ноль. Вклад в развитие своего вида: ноль. Оставленное потомство: отсутствует. Основная деятельность: проецирование своего сознания в виртуальные, несуществующие конструктор.

Она наконец оторвала взгляд от светящегося текста и посмотрела прямо на меня. В этом взгляде было столько тысячелетнего презрения, что обычный человек, наверное, сжался бы в комок и расплакался от чувства собственной ничтожности.

Но я не был обычным человеком. Я провёл тысячи часов в голосовых чатах, где токсичность превращалась в искусство. Меня оскорбляли на десятках языков мира. Её слова задели мою гордость, да. Но не сломали. Я лишь мысленно усмехнулся. «Ну да, я не строил мосты и не лечил рак. Я просто стрелял по пикселям. Дальше-то что?»

– Итог, – её голос стал ещё жёстче. – Жизнь прошла впустую. Обычный, ничем не примечательный, бесполезный для общества и мироздания биологический мусор. Паразит, потреблявший ресурсы планеты без какой-либо отдачи.

Она взмахнула рукой, и красный светящийся свиток рассыпался искрами, исчезнув в темноте. Девушка скрестила руки на груди, чуть приподняв подбородок. Так и продолжила:

– Твоя душа должна была отправиться на переработку. Распасться на базовые атомы энергии. Но, видишь ли, иногда делают исключения. Раз в определённое количество циклов, – неохотно, словно делая мне огромное одолжение, произнесла девушка, – случайным образом выхватывается одна душа из потока переработки. Ей даётся второй шанс. Право на реинкарнацию в другой реальности с сохранением базовых воспоминаний. Это лотерея, и по какой-то совершенно нелепой ошибке слепой судьбы зацепило именно тебя.

Она медленно начала обходить меня по кругу. Звук её шагов по пустоте отдавался эхом.

– Обычно души, получившие второй шанс, наделяются так называемым «стартовым капиталом», – она произносила эти слова с откровенной издёвкой. – Если говорить твоим языком, очки кармы, заработанные в прошлой жизни, конвертируются в таланты. Герои получают оружие, магию или таланты. Праведники – благословение богов. Великие учёные – феноменальный интеллект. Им даётся право выбора точки старта, расы, судьбы. В общем, полный набор.

Она остановилась прямо передо мной, её лицо оказалось так близко, что я мог бы почувствовать жар, исходящий от кожи, если бы у меня было тело.

– Но у тебя очков кармы нет, – её губы изогнулись в жестокой, снисходительной усмешке. – Ты не заслужил ничего. Поэтому к тебе будут применены базовые правила реинкарнации. Никаких поблажек в новой жизни тебе ждать не стоит.

Я молча слушал, впитывая информацию. Значит, это перенос. Исэкай, классика жанра. Но в самом жёстком, хардкорном варианте.

– Я отправлю тебя в другой мир, – монотонно продолжила Эридия. Интересно то, что я не знал её имени, но, когда она снова заговорила, оно возникло в моей голове само собой. – Но почти всё будет подчинено законам случайности. Место твоего появления будет случайным. Это может быть роскошный дворец, а может быть смертоносное болото или жерло вулкана. Твоё новое тело также будет случайным. Ты можешь стать молодым парнем или девушкой, а можешь оказаться дряхлым, слепым стариком или старухой. Больным проказой нищим или даже животным. Время, эпоха, социальный статус, даже сам мир – всё это решит случайность.

«Случайность».

Это слово ударило меня сильнее, чем оскорбления. Для профессионального игрока нет ничего страшнее, чем неконтролируемый рандом. В игре ты можешь быть гением, можешь рассчитать тайминги до миллисекунды, но если механика игры завязана на случайном шансе криты или случайном появлении смертельного дебаффа – твой скилл не стоит ничего. Рандом нельзя переиграть. Рандом можно только терпеть.

Попасть в мир, где я ничего не контролирую? Появиться в теле калеки посреди пустыни и умереть через две минуты после возрождения? Это был не второй шанс, а извращённая казнь через рулетку.

– Однако... – голос девушки внезапно прервал мои лихорадочные размышления. Она раздражённо вздохнула, словно зачитывала самый скучный пункт контракта. – Правила мироздания суровы, но непреклонны. По своду правил, параграф семьсот шесть, подпункт три, даже душа с нулевой кармой, попавшая под протокол случайной реинкарнации, имеет право на одно желание перед отправкой. Компенсационный фактор.

Она махнула тонкой рукой, и перед моими глазами вспыхнули сотни крошечных, светящихся красных иконок.

– Ты можешь попросить что-то одно. Какую-то одну переменную, которую я исключу из случайного броска, – скучающим тоном пояснила она. – Зафиксировать свой пол, чтобы точно родиться мужчиной или женщиной. Выбрать определённый возраст. Можешь попросить predisposition к магии, если она существует в мире, в который ты попадёшь. Попросить

здоровое тело или золотых монет в карман при перерождении. Только думай быстрее, у меня нет желания тратить на тебя время. Выбирай свой жалкий бонус, и я запущу рулетку.

Тишина пустоты снова сомкнулась вокруг меня. Иконки перед глазами мигали, предлагая варианты. «Оружие», «Здоровье», «Пол», «Раса», «Магия (F ранг)», «Знание языка», «Удача» и т. д.

Мой разум, годами натренированный на поиск оптимальных стратегий в самых безвыходных ситуациях, заработал со скоростью квантового компьютера. Внутренний процессор начал просчитывать вероятности.

«Окей, Макс, думай. Думай так, как никогда в жизни не думал. Это не рейтинговый матч, это твоя реальная жизнь».

Если попрошу здоровое, сильное тело... это звучит логично. Но что, если рандом забросит это идеальное тело на дно океана? Или в клетку к работарговцам, где сильные рабы ценятся лишь как пушечное мясо для гладиаторских боев? Тело не спасёт.

Если попрошу магию? Стоит учитывать, что в доступе почему-то только слабая. Что, если я возрожусь в мире, где идёт жесточайшая инквизиция, и магов сжигают на кострах при первом проявлении силы? Меня убьют до того, как я научусь её использовать. Магия – это огромный риск при неизвестном лоре мира.

Если попрошу богатство? Горы золота. Чушь. Появиться с золотом в лесу полном бандитов или монстров – верная смерть в первую же минуту.

Если выбрать пол или возраст? Стать снова восемнадцатилетним парнем или девушкой, или же парнем, но со случайным значением. Допустим. Но есть шанс появиться в разгар войны или, опять же, оказаться в каком-нибудь борделе.

Я прогонял сотни, тысячи сценариев в своей голове, и все они сводились к одному неутешительному выводу. Одно статичное желание – это капля в море хаоса. Что бы я ни выбрал: предмет, навык, характеристику даже само устройство мира – всё это может быть обнулено случайными условиями этого самого мира. Точечный бафф не работает, когда вся остальная карта скрыта туманом, а правила могут меняться каждую секунду. В условиях случайности любое статичное преимущество может сыграть против тебя.

«Мне нужно что-то адаптивное. Нужна переменная, которая будет работать в любых условиях. Мне нужен... проводник. Заходя в новую игру, можно задонатить на оружие, но или броню, но они либо будут не по уровню, либо быстро исчерпают себя. Поэтому логичнее всего донатить на питомца или спутника, с которым можно будет посвятить больше внимания начальной прокачке».

И тут в голову пришла чрезвычайно бредовая мысль. Я поднял свой ментальный взгляд от светящихся иконок и посмотрел на девушку в алом платье. Она стояла, надменно вздёрнув подбородок, уверенная в своём превосходстве. Она была частью системы, знала правила. А ещё, судя по всему, обладала огромной силой, раз могла перекидывать души между мирами.

«Она сказала: что угодно», – пронеслось в голове.

Она не озвучила никаких рамок или ограничений для этого «чего угодно», кроме количества. Это был не просто баг, а гигантская дыра в кодексе божественной бюрократии. Уязвимость нулевого дня, оставленная самодовольным программистом, который был уверен, что тупой юзер никогда до неё не додумается. Но я не был тупым юзером. Я был тем, кто ломал игровые экономики и находил эксплойты в самых разных патчах.

Страх окончательно отступил, сменившись знакомым до боли азартом. Адреналин, которого у меня физически не могло быть, казался, закипел в моем бестелесном разуме. Шах и мат, система. Ты дала мне рулетку, но я заберу с собой крупье.

– Время вышло, – холодно произнесла девушка, подняв руку, чтобы щёлкнуть пальцами и запустить процесс реинкарнации. Её красные глаза опасно сверкнули. – Называй своё желание или отправляйся голым в случайный мир.

Я не мог говорить физически, но в этом пространстве мысли формировали реальность. На моем невидимом лице расплылась наглая, самоуверенная ухмылка профессионального игрока, который только что запер финального босса в бесконечном цикле оглушения. Я почувствовал, как фантомная правая рука, та самая рука, которая тысячекратно приносила мне победу, сжимается в кулак, оставляя вытянутым только указательный палец.

Я медленно, с наслаждением поднял эту невидимую руку и указал пальцем прямо в центр её идеального личика.

«Я знаю, чего хочу», – мой мысленный голос прозвучал в пустоте не жалким писком, а уверенным басом. Я вложил в этот посыл всю свою волю, весь геймерский опыт.

Девушка замерла, её рука, поднятая для щелчка, остановилась. В глазах на долю секунды промелькнуло непонимание, сменившееся подозрением.

«Я выбираю тебя».

Глава 4

Следующую секунду ничего не происходило. Лицо богини Эридии оставалось неподвижным. Её занесённая для щелчка рука застыла в воздухе. В алых, светящихся глазах, которые ещё мгновение назад излучали скуку и презрение, промелькнуло короткое замыкание. Она моргнула. Один раз, второй, а затем фасад дал трещину.

Сначала это была просто крошечная, едва заметная судорога. Левый уголок её изогнутых губ нервно дёрнулся. Прямая, горделивая осанка внезапно надломилась.

– Что ты... сказал? – её голос потерял свои мелодичные нотки. Теперь он звучал нервно, с прорывающимися нотками зарождающегося, искреннего недоумения. Она опустила руку и сделала полшага назад, словно мой невидимый палец, указывающий ей прямо в лоб, был заряженным стволом.

«Я сказал, что моим единственным желанием, гарантированным параграфом семьсот шесть, подпунктом, являешься ты. Я забираю тебя с собой», – я мысленно, с садистским наслаждением, повторил, выделяя каждое слово.

Я не был юристом в прошлой жизни, но прочитал достаточно пользовательских соглашений к играм, чтобы понимать: если нет списка исключений, значит, исключений не существует. Она – сущность. Я попросил эту сущность. Транзакция должна быть подтверждена.

Эридия уставилась на то место в пространстве, где, по её расчётам, должно было находиться моё сознание. Её зрачки внезапно расширились, затопив радужку чёрной бездной.

– Ты... ты большой убудок! – внезапно оскалилась она. В эту секунду лёд окончательно треснул. – Это невозможно! Я – судья! Хранительница перехода! Я не предмет! Не навывк! Отменить! Стереть запрос!

Она начала в панике взмахивать руками. Воздух перед ней взорвался каскадом красных голографических окон, свитков и таблиц. Но я видел то, чего она, ослеплённая своей гордыней, не замечала. Система уже приняла мой запрос. Вокруг фигуры богини, прямо поверх её роскошного алого платья, начали из ниоткуда возникать толстые, светящиеся золотым светом цепи. Они состояли из чистой энергии, из переплетающихся рун и символов древнего кода мироздания. Цепи обвивали её талию, запястья, лодыжки.

– Нет, нет, нет, нет! – Эридия начала метаться, пытаясь разорвать энергетические пути. Её огненно-рыжие волосы растрепались, корона вселенского равнодушия слетела, обнажив паникующее, загнанное в угол существо. – Отклонить запрос! Этот отброс не имеет права забирать богиню судеб! Отклонить!

Но голос высшей системы оказался глух к истерике своего сотрудника. Законы мироздания, те самые нерушимые правила, о которых она мне так надменно рассказывала пару минут назад, оказались непреклонны. Золотые цепи сжались, и Эридия издала полный боли и ярости стон. Она упала на колени в этой безгравитационной пустоте, с ненавистью глядя на меня.

– Ты... ты ничтожество! – прошипела она. От её красоты осталась лишь пугающая ярость. – Грязный, бесполезный кусок мяса! Ты хоть понимаешь, что наделал?! Ты потащишь меня в эту грязь, в случайный хаос вместе с собой! Я вырву тебе сердце в новой жизни, как только представится возможность! Заставлю страдать так, что твоя смерть от остановки сердца покажется тебе нежной щекоткой! Я проклиная...

Её угрозы утонули в нарастающем гуле. Чёрное пространство вокруг нас начало скручиваться в гигантскую воронку. И тут я почувствовал нечто странное. Прямо в центре моей невидимой, фантомной сущности, там, где у обычного человека находилась бы ладонь правой руки, вспыхнула боль. Вспышка ослепительно-красного света ударила мне в воображаемые глаза. Я инстинктивно сфокусировался на источнике света и увидел, как в пустоте формируется печать. Она состояла из трёх переплетающихся колец, внутри которых были вписаны

сложные, угловатые символы, подозрительно напоминающие лицо кричащей в агонии богини. Печать с шипением, словно раскалённое железо в воде, впечаталась в структуру моей души. Связь была установлена. Контракт подписан.

Я лишь мысленно улыбнулся напоследок.

«Увидимся на респауне, подруга».

А затем красная вспышка поглотила всё. Крик Эридии, золотые цепи, остатки черноты – всё это стёрлось. Меня подхватил невидимый, чудовищной силы торнадо и швырнул куда-то ещё. Это было похоже на загрузочный экран. Без интерфейса, без полоски прогресса. Просто глубокий, лишённый сновидений сон.

Первое, что вернулось – запах. Это было настолько странно и неожиданно, что моё сознание на долю секунды запаниковало, пытаясь идентифицировать входящий сигнал. Мой мозг, привыкший за последние годы исключительно к запаху застоявшегося воздуха, пыли, старой пиццы и дешёвого пластика, внезапно подвергся массовой атаке.

Пахло влажной землёй. Насыщенный, сладковатый запах чернозёма. К нему примешивался свежий аромат раздавленной зелени. И что-то еще... Запах нагретой на солнце пыли и полевых цветов.

«Что за...» – мелькнула сонная мысль.

Затем включился слух. Вместо привычного, успокаивающего монотонного гудения шести мощных кулеров моего системного блока, я услышал шелест. Лёгкий, ритмичный звук, словно кто-то проводил ладонью по тысячам сухих бумажных лент.

Системы организма запускались одна за другой, словно проходя проверку оборудования. Следом было осязание. Я лежал на чем-то мягком, но в то же время колючем. Это точно было не моё продавленное геймерское кресло и не скомканное одеяло на диване. Моя щека касалась чего-то прохладного и щекочущего.

Я сделал вдох. Лёгкие расширились легко, без боли и того мерзкого чувства удушья, которое убило меня в прошлой жизни. Воздух вошёл в меня потоком чистого кислорода, обжигая с непривычки дыхательные пути. Сердце работало. Я слышал его стук. Ровный, спокойный, сильный. Никаких аритмичных спазмов или перебоев.

Пора было включать главный монитор.

Я с огромным усилием разлепил веки. В глаза тут же ударил безжалостный, ослепительный свет. Я инстинктивно зажмурился и застонал, попытавшись поднять руку, чтобы закрыть лицо от этой визуальной атаки. Рука подчинилась приказу мгновенно. Никакого паралича, никакой задержки между сигналом мозга и действием.

Я прикрыл глаза ладонью, создавая искусственную тень, и снова медленно открыл их. Фокус постепенно настроился. Надо мной простиралось небо. Огромный, бескрайний купол синего, почти лазурного цвета, по которому медленно плыли облака. Солнце стояло в зените, заливая всё вокруг светом.

Я скосил глаза вниз. Зелень. Высокая, по пояс трава, колышущаяся под лёгкими порывами тёплого ветра. Именно она шелестела, и именно она колола мне щеку. Я лежал на спине посреди какого-то поля.

– Значит... сработало, – прошептал я. Голос звучал иначе. Он не был сиплым от долгих ночных стримов. Казался чистым, молодым, но в то же время незнакомым.

Я убрал руку от лица и впервые посмотрел на неё. Шок на мгновение заставил замереть. Это была не моя рука. Моя прежняя была инструментом киберспортсмена: бледная, с выступающими синими венами, тонкими пальцами, лишёнными малейших признаков грубого физического труда, и мозолью на запястье от трения о коврик для мыши.

Рука, которую я сейчас держал перед глазами, принадлежала совершенно другому человеку. Кожа была слегка загорелой, приятного оливкового оттенка. Кисть была шире, пальцы – толще и крепче. На ладони и у оснований пальцев виднелись жёсткие, желтоватые мозоли.

Ногти были коротко острижены, под некоторыми чернела ввевшаяся земля. На предплечье проступал лёгкий рельеф мышц, которого у меня отродясь не было.

Я медленно перевёл взгляд на себя. На мне была надета какая-то грубая, простая одежда. Подобие льняной рубахи серого цвета, свободные штаны из плотной ткани, подпоясанные обычным куском верёвки. На ногах – стоптанные ботинки без шнурков.

Это было тело молодого парня. Навскидку – лет девятнадцати-двадцати. И оно было... нормальным. Не перекачанной горой мышц, не истощённым скелетом. Просто обычное, здоровое, спортивное тело человека, который, судя по всему, регулярно двигался, ел нормальную еду и проводил время под солнцем.

«Случайная генерация персонажа, – вспомнил я слова Эридии с усмешкой. – Мне достался обычный NPC-крестьянин или кто-то вроде того. Никаких магических татуировок, никаких рогов или хвостов. Базовый скин человека. Спасибо хоть не старик».

И тут мой взгляд зацепился за деталь. На тыльной стороне правой руки, чуть ниже суставов пальцев, ярко выделялось пятно. Я поднёс руку ближе к лицу. Это была она, печать контракта. Три переплетённых красных кольца и символы, впечатанные прямо в загорелую кожу. Они не выглядели как татуировка или шрам. Они казались частью моей физиологии, слегка пульсируя в такт сердцебиению. Я провёл по печати пальцами левой руки. Кожа в этом месте была чуть теплее, но никакой боли не ощущалось.

Скорее всего, где-то там, в недрах этой печати, прямо сейчас бесится богиня, лишённая своих судейских прав. Мой козырь в рукаве, мой чит на выживание. Я понятия не имел, как эта печать работает и как её активировать, но сам факт её наличия грел душу лучше солнца.

Так, Макс, время вставать. Пора проверить, как работает местный физический движок. Я оперся руками о землю, планируя сделать рывок торсом, согнуть ноги и вскочить. Мой мозг послал команду, мышцы сжались. Я с размаху рухнул обратно в траву, больно ударившись затылком о какую-то кочку.

– Какого... – я зашипел от неожиданной вспышки боли.

Проблема заключалась не в том, что тело не слушалось. Наоборот, оно слушалось слишком хорошо. В прошлой жизни я был физически слаб. Мои мышцы атрофировались от сидения в кресле, мозг привык посылать стопроцентный, максимальный импульс силы просто для того, чтобы поднять тушу со стула.

Сейчас я послал такой же стопроцентный импульс в тело, которое было в разы сильнее моего прежнего. В результате рывок оказался настолько мощным и резким, что мой центр тяжести мгновенно сместился, ноги не успели сгруппироваться, и я просто завалился назад.

– Ладно, дубль два.

Я начал действовать медленно, пошагово. Оперся на левый локоть, сместил корпус вправо, подогнул под себя правую ногу, перенёс вес на колено, выпрямил спину. Мои движения были дёргаными, роботизированными. Я чувствовал себя пьяным или человеком, который только что снял шлем виртуальной реальности после двенадцати часов игры и теперь пытается вспомнить, как ходить по настоящей комнате. Мышцы отзывались непривычной упругостью. Я чувствовал их натяжение, чувствовал тяжесть.

Наконец, сумев принять вертикальное положение, я огляделся. Поле было огромным. Зелёные волны травы уходили к горизонту, где сливались с тёмной полоской леса. Никаких футуристических зданий, никаких парящих островов или неоновых вывесок.

Я сделал первый шаг. Мозг скомандовал поднять ногу на привычную высоту, но она оказалась длиннее и тяжелее, чем я ожидал. Ботинок зацепился за пучок травы. Я потерял равновесие, судорожно замахал руками, пытаясь поймать баланс, и едва не полетел носом вперёд, вовремя выставив вторую ногу.

– Жесть, – произнёс, усмехнувшись.

Стоя и тяжело дыша, я попытался осознать абсурдность ситуации. Я – парень, который мог делать сотни точнейших микро-движений мышью в минуту, сейчас не мог пройти по ровному полю, не споткнувшись. Но в этом было и нечто удивительное. Ощущения. Они были слишком... реальными. В играх ты чувствуешь отдачу геймпада или сопротивление мыши. Здесь я чувствовал, как ветер остужает пот на моем лбу. Чувствовал, как грубая ткань рубахи натирает плечи. Чувствовал каждый камешек под подошвой стоптанных ботинок. Мир обрушивал на меня терабайты информации, и мой изголодавшийся по реальности мозг жадно впитывал каждый бит.

«Надо двигаться, – решил я, оглядывая горизонт. – Стоять посреди чистого поля – верный способ стать мишенью для какого-нибудь случайного моба или местного хищника. Нужно найти населённый пункт».

Я присмотрелся к пейзажу. Вдалеке, примерно в километре от моей позиции, над полосой деревьев поднимались тонкие струйки дыма. Дым означал огонь. Огонь означал разумную жизнь.

– Цель захвачена, – пробормотал я, корректируя свой курс.

Путь в один километр оказался для меня испытанием, достойным рейда на максимальной сложности. Я шёл, сосредоточенно глядя себе под ноги. Каждый шаг требовал осознанного контроля. Левая, правая, перенос веса. Я напоминал себе сломанного терминатора. Первые метров двести то и дело спотыкался, проваливался в мелкие ямки, скрытые травой, и ругался сквозь зубы.

Но постепенно, шаг за шагом, тело начало подстраиваться. Мышечная память этого парня начала просыпаться, синхронизируясь с моим сознанием. Походка стала увереннее, я перестал думать о механике ходьбы и наконец смог поднять глаза от земли.

Но тут пришла вторая проблема – выносливость. Моё новое тело было спортивным, но разум совершенно не умел распределять стамину. В игре шкала выносливости восстанавливается за пару секунд. В реальности, после полукилометра ходьбы по высокой траве под палящим солнцем, я начал задыхаться, сердце колотилось в груди, по лицу катились капли пота, заливая глаза. Во рту пересохло так, словно я пожевал песка.

«Чёртова физика...» – мысленно скулил я, утирая лоб рукавом грязной рубахи.

Преодолев ещё несколько сотен метров, я наконец вышел на утопанную грунтовую дорогу, которая вилась через поле. Идти стало в разы легче. А вскоре из-за поворота, окаймлённого редкими кустами, показалась цель. Это была деревня. Настоящая деревня из дешёвого учебника истории или вступления к любой RPG. Десятка два приземистых домиков, сколоченных из потемневших от времени брёвен. Крыши были покрыты пожелтевшей соломой. Вокруг домов тянулись кривые деревянные заборы из жердей, за которыми виднелись огороды. Никакой городской стены, никаких замков или сторожевых башен.

Я остановился на обочине, опираясь руками о колени, и начал анализировать обстановку. Мирная зона, людей на улице немного. Возле ближайшего дома суетилась женщина в длинном сером платье, развешивая на верёвке какое-то бельё. Чуть поодаль, в пыли, ковырялись грязные, полуголые дети. А прямо по дороге, мне навстречу, медленно брёл мужчина. Он был стар, с седой бородой. Одет в такую же грубую холщовую рубаху, как и я. На плече нёс деревянные вилы, на которых висели комья земли. Классический крестьянин.

Я выпрямился, стараясь придать своему лицу максимально безобидное, растерянное выражение. В играх я всегда пропускал диалоги, но здесь от правильного выбора реплики зависело моё выживание. Нужно было придумать легенду. Сказать правду – значит гарантированно поехать кукухой в местную лечебницу или на костёр.

Самый надёжный, пуленепробиваемый троп для любого попаданца – амнезия. Это идеальный щит от любых неудобных вопросов. Амнезия позволяет не знать элементарных вещей о мире, не знать языка, обычаев и собственной биографии.

Вскоре мужчина с вилами поравнялся со мной. Он остановился, смерив меня подозрительным взглядом.

– Ты чей будешь, парень?

Я вздохнул. Язык. Я понимал его. Следом поднял на него глаза, заставив себя выглядеть испуганным и дезориентированным. Это было не так уж сложно, учитывая, что меня трясло от усталости, а в голове шумело.

– Я... я не знаю, – сделал голос чуть тише, добавив в него дрожи. – Не помню.

Мужчина нахмурился, перехватив вилы покрепче.

– Как это не знаешь? Имя своё забыл, что ли? Ты не из наших. Из Заречья, может?

Я покачал головой, инстинктивно прикасаясь пальцами к виску, изображая боль.

– Ничего не помню. Вообще ничего. Помню только... темноту. А потом очнулся вон там, в поле, в траве. Голова раскалывается, в глазах всё плывёт. Я шёл на дым.

Мужчина ещё несколько секунд сверлил меня взглядом. Я видел, как в его голове крутятся шестерёнки. Он оценивал угрозу. Я стоял перед ним – молодой, крепкий на вид, но абсолютно безоружный, грязный, потный, с бледным лицом. У меня не было ни меча, ни доспехов, ни кошелька на поясе. Опасности я явно не представлял.

Взгляд крестьянина смягчился. Подозрительность сменилась житейским сочувствием человека, который сам не раз получал по голове от судьбы.

– Эх тебя приложило-то, видать, – прокряхтел он, опустив вилы на землю. – Разбойники поди? В лесах нынче беспокойно. Гоблины шалят, да и лихого люда хватает. Стукнули по голове, обобрали до нитки, да и бросили в поле помирать. Повезло тебе, парень, что зверье не почуяло.

Гоблины. Это слово резануло слух. Значит, фэнтези подтверждено. Магия, монстры, всё по классике. Отлично. Понятные правила игры.

– Наверное, разбойники... – кивнул я, потирая затылок в том месте, которым ударился о землю при первой попытке встать. Шишка там уже назревала знатная. – Дед, а... где я вообще? Как деревня называется? И где ближайший крупный город?

Старик усмехнулся, обнажив жёлтые зубы.

– Ох, и сильно же тебя приложили. Ты в Ясенево, парень. Глухомань наша. А до города пёхом дня два топать, если ноги не сотрёшь.

Он окинул меня ещё одним жалостливым взглядом. Мой живот в этот момент издал такой громкий вой, что, казалось, его слышали собаки на другом конце деревни. Старик усмехнулся и махнул мозолистой рукой в сторону ближайшего дома.

– Ладно, бедолага. Не гоже человеку посреди дороги от голода помирать. Пошли со мной, старуха моя, Марфа, как раз похлёбку сварила. Поешь, водицы холодной попьёшь из колодца. А там и посидим, покумекаем, куда тебе дальше податься. Нечего тебе в нашей деревне делать, без памяти-то. Тебе к лекарям в гильдию надо, или в церковь, к жрецам. Они в головах копать умеют.

– Спасибо... – ответил я, искренне улыбнувшись. Впервые за долгое время я был кому-то благодарен не за хороший отхил в рейде, а за простое, базовое человеческое отношение.

– Пошли-пошли. Ноги-то держат? – старик развернулся и неспешно зашагал к калитке.

Я поплёлся следом. Мой первый квест в этом новом, жестоком и абсолютно случайном мире был получен. Задание: выжить. Награда: похлёбка.

Я скосил глаза на свою правую руку, где под слоем пыли мерцала красная печать богини.

Игра началась, Эридия. Надеюсь, скоро встретимся.

Глава 5

Домик крестьянина показался мне тесным, бедноватым, но чистым. В центре стоял грубо сколоченный деревянный стол, за которым суетилась Марфа. Старик, представившись Егором, усадил меня на массивную лавку. Когда передо мной поставили глубокую глиняную миску, от которой поднимался пар, я на мгновение забыл обо всем: о богине, о печати на руке, о своей недавней смерти. В миске была похлёбка. Простое варево из каких-то местных корнеплодов, крупно нарезанной капусты и крошечных, редких волокон жёсткого мяса. Но боги, клянусь, это блюдо показалось мне пищей олимпийцев. После первой ложки я начал закидывать еду в рот с такой скоростью, словно боялся, что все это может оказаться сном. Я обжигал нёбо, глотал почти не жуя. Тепло разливалось по пищеводу, падая в пустой желудок спасительным грузом. Марфа с жалостливой улыбкой пододвинула ко мне ломоть серого, твёрдого, как кирпич, хлеба и деревянную кружку с колодезной водой. Хлеб я смел за три укуса, вымазав им остатки бульона со дна миски.

– Тише-тише, парень, не ровен час, подавишься, – усмехнулся дед Егор, усевшись напротив и оперевшись локтями о стол. – Видать, и впрямь лихие люди тебя в поле бросили. Давно не ел?

– Давно... – честно признался я, отодвинув пустую миску и приложившись к кружке. Вода была ледяной, отдающей железом, от неё ломило зубы, но она окончательно вернула меня к жизни.

– В Норвен тебе надо. Там лекари есть, может, память-то и вернут.

– А Норвен... это большой город? – осторожно начал я закидывать удочки, стараясь говорить как можно более естественно. Мне нужна была базовая информация. – Я правда мало что помню.

– Да уж поболее нашей деревни будет, – хохотнул Егор. – Торговый город. Туда со всех краёв купцы тянутся. И с севера, и с юга. Стены там каменные, высоченные, стражи полно. Правит наместник от самого короля. Богатое место.

– А дорога туда безопасная?

Услышав этот вопрос, старик помрачнел.

– Как сказать, парень... Здесь-то, у нас в Ясенево, почитай, спокойно. Мы на отшибе живём, с нас и взять нечего. Разве что волки иногда овцу ташат. А вот чем ближе к тракту да к лесам тёмным, тем дурнее. Разбойнички пошаливают, караваны купеческие ждут, да и нежить, говорят, по ночам из старых могильников лезет. Монстры всякие. Гоблины те же – мерзкие твари. Зелёные, мелкие, но если стаей навалятся – сожрут и косточек не оставят. Девкам и того хуже.

Я внимательно слушал, мысленно составляя бестиарий. Значит, классический набор низкоуровневых противников: волки, бандиты, гоблины, нежить. Ничего такого, с чем нельзя было бы справиться при должной подготовке.

– И кто с ними разбирается? – спросил я. – Стража городская?

– Стража? Скажешь тоже. Стража за стенами сидит, задницы греет да пошрины собирает. Им до лесных дорог дела нет. Если купцу охрана нужна или деревне какой от монстров отбиться надо, за монеты нанимают авантюристов.

Слово «авантюристы» прозвучало для меня, как благословение.

– Авантюристы? – переспросил я, стараясь скрыть вспыхнувший в глазах энтузиазм.

– Ну да. Наёмники, бродяги, маги всякие вольные. У них в Норвене своя гильдия есть. Целое братство. Берут заказы на убийство чудищ, сбор трав редких, охрану. Но к нам они не заходят. Далековато мы, да и платить нам гильдейским нечем.

Пазл в моей голове сложился. Гильдия авантюристов. Это не просто работа, а способ получать задания, зарабатывать деньги, повышать свой социальный статус и легально изучать магию или боевые искусства. Более того, для человека без прошлого, без документов и с сомнительной амнезией – это единственное место, где не будут задавать лишних вопросов. В гильдию идут отбросы, искатели приключений и те, кому больше некуда податься. Идеальное прикрытие.

– Понятно... – я медленно кивнул, поднявшись из-за стола. Моё тело все ещё ныло, но энергия от еды уже бурлила в крови. Цель была определена. – Спасибо вам, Егор. И вам, Марфа.

– Да брось ты, – отмахнулась женщина, протянув мне небольшой узелок из грубой ткани. – На вот, возьми. Тут краюха хлеба да репа варёная на дорогу. Идти-то долго.

Я взял узелок, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. В моем прошлом мире люди были готовы сожрать друг друга за лайки и рейтинги. А здесь бедные крестьяне отдавали последнюю еду незнакомцу. Попрошавшись с гостеприимными хозяевами и получив подробные инструкции, как выйти на главный тракт, я покинул деревню. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тревожные, багровые тона.

* * *

Дорога до Норвена заняла больше двух дней. И это были, пожалуй, самые долгие и страшные дни в моей новой жизни. Я думал, что хардкор – это играть в шутер без интерфейса и прицела. Я ошибался. Настоящий хардкор – идти одному через лес в мире, где нет электричества.

Днём было ещё терпимо. Грунтовая дорога, покрытая глубокими, засохшими колеями от купеческих телег, петляла среди холмов и редких перелесков. Моё новое тело, хоть и было выносливее прежнего, всё равно страдало. Жёсткие, стоптанные ботинки натёрли на пятках огромные, болезненные мозоли, которые лопнули к середине первого дня. Каждый шаг отдавался жгучей болью. Но я сжимал зубы и шёл, потому что останавливаться было нельзя.

По пути мне почти никто не попался. Пару раз вдаль я видел силуэты одиноких путников, но мы предпочитали обходить друг друга по широкой дуге. Не трудно догадаться, что этом мире доверие к незнакомцу на дороге часто оплачивалось перерезанным горлом.

Но настоящим испытанием стали ночи. Когда солнце скрывалось за горизонтом, мир погружался во мрак. Никаких фонарей, никакого светового загрязнения от городов. Только холодный, равнодушный свет двух лун. Да, здесь их было две, одна большая и бледная, другая поменьше, с красноватым отливом, словно издевательское напоминание о глазах Эридии.

Я не мог развести костёр – у меня не было ни зажигалки, ни навыков выживания бойскаута. К тому же, костёр ночью привлекает внимание. Поэтому с наступлением темноты я уходил от тракта в лес, находил самое широкое дерево и забирался по коре на нижние толстые ветки, сдирая в кровь руки. Там, прижавшись спиной к шершавому стволу, я проводил всю ночь. Но почти не спал. Максимум – проваливался в дремоту на двадцать-тридцать минут, от которой меня будил собственный стук зубов – ночью становилось зверски холодно – или звуки леса.

Лес жил своей жизнью. В темноте каждый шорох казался мне шагами монстра. Вдалеке ухали какие-то птицы, но их крики больше напоминали смех сумасшедшего. Несколько раз где-то совсем близко раздавался протяжный, леденящий душу вой, от которого у меня волосы вставали дыбом. Я сидел на ветке, вцепившись пальцами в сук, пялился в непроглядную тьму, пытаюсь уловить свечение красных глаз, и молился всем богам – кроме одной – чтобы меня не учуяли.

В такие моменты я чувствовал себя совершенно беспомощным. Я, великий киберспортсмен, был готов отдать все свои виртуальные кубки за один ржавый железный нож. Я посто-

янно потирал красную печать на руке, надеясь, что она как-то активируется, защитит меня, но печать оставалась безмолвной. Богиня на связь не выходила.

На третий день, ближе к полудню, когда мои запасы воды иссякли, а от хлеба остались лишь крошки, лес внезапно расступился. Дорога пошла на подъем. Я из последних сил взобрался на вершину холма, опираясь на найденную в лесу палку, и замер, жадно глотая воздух. Внизу, в огромной, живописной долине, раскинулся Норвен. Город был колоссален. Он совершенно не был похож на те маленькие, процедурно сгенерированные деревушки, которые я привык видеть в низкобюджетных играх. Это была настоящая столица региона. Эпический хаб.

Норвен окружала невероятно высокая стена, сложенная из гладких серых каменных блоков. Навскидку она была высотой метров пятнадцать, не меньше. Через равные промежутки в стену были встроены круглые сторожевые башни, на острых шпилях которых трепетали на ветру сине-золотые флаги. За стеной возвышалось море крыш – черепичных, сланцевых, деревянных. В самом центре города доминировал огромный замок или храм, чьи купола слепили глаза отражённым солнечным светом.

К главным воротам города сходились несколько крупных трактов. Там уже скопилась приличная очередь из купеческих караванов, крытых телег, всадников и пеших путников. Я выбросил свою палку, поправил грязную рубаху и, стараясь не хромать, начал спускаться с холма. Мой квест по выживанию в дикой природе был завершён. Начиналась социальная фаза.

Подойдя к воротам, я встал в хвост очереди, состоящей из таких же пыльных, бедно одетых пешеходов. Ожидание заняло около часа. За это время я успел рассмотреть стражников. Это были серьёзные ребята. Не какие-то деревенские ополченцы с вилами, а настоящие профессионалы. Они были облачены в начищенные до блеска кольчуги поверх синих стёганных курток. На головах – стальные шлемы. На поясах висели прямые мечи, а в руках длинные алебарды. Их взгляды были цепкими, скучающими, пугающими. Они досматривали телеги купцов, проверяли подорожные грамоты, взимали пошлины звенящими монетами.

Наконец, подошла моя очередь. Двое стражников преградили мне путь скрещёнными древками алебард. Один из них, с чёрными усами и шрамом на подбородке, смерил меня оценивающим взглядом. Осмотрел стоптанные ботинки, грязные штаны, пустые руки и измождённое лицо.

– Цель визита? – сухо спросил усатый стражник.

– Ищу работу, господин, – я слегка склонил голову, изображая покорность, но при этом глядя ему в глаза. Важно было не выглядеть слишком запуганным, чтобы не приняли за беглого преступника. – И лекарей. На меня напали в лесу пару дней назад. Ограбили, по голове ударили. Ничего не помню, ни имени, ни откуда я. Иду вот, куда глаза глядят.

Стражник хмыкнул. Моя история, судя по всему, не была здесь чем-то уникальным.

– Ещё один безмозглый бродяга, – проворчал второй стражник, помоложе. – Лекари в храме бесплатно не лечат, парень. Без медяков в кармане ты тут быстро в канаве окажешься. Ну да ладно. Оружие есть? Запрещённые артефакты?

– Ничего нет. Только то, что на мне, – я развёл руками, показывая пустые ладони. Печать на правой руке не светилась, выглядела как странное родимое пятно, и стражники не обратили на неё никакого внимания.

– Пошлины с пеших бродяг не берём. Проходи. Но смотри мне, – усатый ткнул тупым концом алебарды мне в грудь, не больно, но весомо. – За воровство на рынках отрубам правую руку. За драку с поножовщиной – в каменоломни на десять лет. А теперь пошёл!

Они подняли алебарды. Я сделал глубокий вдох и шагнул под окованную железом арку ворот. Тень от стен на секунду поглотила меня, а затем... Затем мир в глазах перевернулся с ног на голову. Контраст между мёртвой тишиной ночного леса и тем, что обрушилось на меня внутри города, был колоссальным.

Широкие мощёные улицы были забиты народом. Толпы людей, телег, вьючных животных текли по ним плотными, бесконечными реками. Из открытых окон трёхэтажных домов высывались женщины, вывешивая бельё. На первых этажах сплошной стеной шли лавки: кузницы, пекарни, алхимические магазины, портняжные мастерские. Я шёл вперёд, прижавшись к краю улицы, чтобы меня не затоптали, и не мог перестать крутить головой. Моя челюсть буквально отвисла от восторга. Внутренний геймер ликовал, испытывая чистейший кайф от лорного разнообразия.

Мимо меня, закованный в сверкающие, пластинчатые доспехи, прошёл отряд городской стражи. Их шаги печатали ритм по брусчатке. Справа, возле лавки с оружием, я увидел гнома. Настоящего гнома! Он был мне едва по грудь, но в плечах шире любого борца. Рыжая борода, заплетённая в косички с кольцами, спускалась до самого пояса с пряжкой. Он громко, басом ругался с продавцом, размахивая коротким топором.

Чуть дальше, возле лотка с какими-то светящимися зельями, стояла пара эльфов. Они выглядели в точности так, как рисовали художники в самых дорогих RPG. Высокие, стройные, с фарфоровой кожей и длинными, острыми ушами, проглядывающими сквозь серебряные волосы. На них были лёгкие, элегантные мантии, а двигались они с такой грацией, словно физика этого мира на них не действовала. Они смотрели на окружающую толпу людей с брезгливым, отстранённым высокомерием.

– Охренеть... – прошептал я, не веря своим глазам. – Это всё настоящее...

Потом я заметил зверолодей. Девушка с пушистыми кошачьими ушами на макушке и гибким хвостом, выглядывающим из-под юбки, несла на плече корзину с фруктами. Высокий, мускулистый мужчина с волчьей мордой и шерстью на руках разгружал тяжёлые ящики с телеги.

Расовое разнообразие поражало. Это был живой, дышащий, мультикультурный мир. Но затем мой взгляд наткнулся на нечто, что заставило восторженную улыбку сползти с лица. По противоположной стороне улицы, звеня цепями, двигалась странная процессия. Это были существа ростом с десятилетнего ребёнка. Сгорбленные, с длинными, непропорциональными руками, зеленовато-серой, бородавчатой кожей и длинными, крючковатыми носами. Гоблины.

Но они не были дикими монстрами из леса. Их было пятеро, и все были закованы в тяжёлые железные ошейники. От ошейников тянулись толстые цепи, которые держал в руках здоровый человек с длинным кожаным хлыстом на поясе. Гоблины тащили за собой огромную, гружённую деревянную платформу на колёсах, пытая и скаля острые, мелкие зубы, но покорно выполняя команды погонщика.

Рабство...

Мой мозг мгновенно проанализировал эту деталь. Использование низших, агрессивных рас в качестве дешёвой тягловой силы и рабов.

«Ага. Значит, у нас тут не ванильное, светлое фэнтези с радугой и пони, – сделал я мысленную заметку, чувствуя, как по спине пробежали мурашки. – Мораль здесь гибкая, а человеческая жизнь – и жизнь нелюдей тем более – стоит недорого. Законы работают только для тех, у кого есть деньги или сила».

Это открытие не испугало меня. Наоборот, отрезвило. Оно напомнило, что я больше не за монитором. Если оступлюсь, если покажу слабость, на меня тоже могут надеть ошейник. Нужно было получить силу. Немедленно.

Я подошёл к ближайшему прилавку, где торговал пирожками пухлый, краснощёкий пекарь.

– Уважаемый, – обратился я, стараясь звучать вежливо. – Подскажите, как найти гильдию авантюристов?

Пекарь взглянул на меня подозрительным взглядом, явно оценив мою платёжеспособность как отрицательную, но ответил:

– Идешь прямо по торговой улице. Как дойдешь до площади с фонтаном, повернешь направо, в квартал наёмников. Там не промахнёшься. Самое большое здание, и самое шумное.

Я кивнул в знак благодарности и быстрым шагом, игнорируя боль в стёртых ногах, двинулся в указанном направлении. Чем ближе подходил к кварталу наёмников, тем заметнее менялась публика на улицах. Купцов в бархатных одеждах и ремесленников в фартуках сменили люди и нелюди в потёртых кожаных доспехах, с мечами на поясах, с арбалетами за спиной и посохами в руках.

Наконец, я вышел на небольшую площадь и замер. Передо мной возвышалось оно. трёхэтажное здание, нижний этаж которого был сложен из огромных каменных валунов, а верхние – из тёмного, прочного дерева. Над широкими, двустворчатыми дверями, обитыми железом, висела огромная деревянная вывеска: щит с перекрещёнными на нём мечом и посохом. Из приоткрытых окон первого этажа вырывался оглушительный гул голосов, взрывы хохота, звон бьющейся посуды и лязг оружия. Здание, казалось, вибрировало от переполнявшей его энергии.

Ну что ж, пора вступать в игру.

Глава 6

Я навалился всем весом своего нового тела на тяжёлые, потемневшие местами двери. Они поддались далеко не сразу, а лишь когда я упёрся ногами в каменный порог, издав при этом такой протяжный скрип, словно предупреждал всех внутри о своём появлении.

Как только переступил порог, меня чуть не сбilo с ног. Контраст с шумной улицей был разительным. Я замер у входа, позволяя глазам привыкнуть к полумраку. Помещение освещалось через широкие, мутноватые окна, а также десятками магических светильников, подвешенных к почерневшим потолочным балкам. Свет в них был пульсирующим в такт каким-то своим внутренним ритмам.

Мой мозг, годами натренированный на мгновенное считывание миникарты и оценку обстановки при входе в новую локацию, начал жадно сканировать пространство. Первый этаж гильдии представлял собой просторный зал, и был чётко разделён на две функциональные зоны. Слева от входа раскинулась классическая таверна для наёмников. Десятки столов, исцарапанных кинжалами и залитых выпивкой, были плотно оккупированы публикой всех мастей и рас. За одним столом я увидел здорового, зеленовато-серого орка в ржавой кольчуге, который с треском проигрывал в армрестлинг жилистому, покрытому шрамами старику-человеку. В углу, окутанная табачным дымом, громко хохотала компания лучников, деля прямо на столе мешочек с монетами и окровавленные клыки какого-то зверя. Между столами, виртуозно балансируя огромными деревянными подносами с пенными кружками, лавировали подавальщицы с крайне уставшими, но дерзкими лицами. Звон бьющейся глиняной посуды, отборный мат на разных языках, стук игральные костей – это была та самая гильдия, какие мне всегда виделись в играх. Место, где можно было узнать последние слухи, найти пати для рейда или нарваться на PvP за один косой взгляд.

Справа же находилась рабочая зона – сердце гильдии. Вдоль всей стены тянулась деревянная доска, обтянутая потёртой кожей и сплошь усеянная пергаменами. Задания. Доска квестов. Возле неё толпились десятки вооружённых людей. Здесь царил совершенно иная атмосфера – напряжённая, деловая. Авантюристы спорили, толкались локтями, оценивающе шурились, читая условия контрактов, срывали листы. Конкуренция за хорошие заказы, судя по всему, здесь была жёсткой. Я видел, как две группы наёмников чуть не схватились за мечи из-за одного клочка бумаги, пока их не разнял здоровяк с огромным двуручным топором за спиной.

Я сделал осторожный шаг вперёд. Мои стоптанные ботинки тихо скрипнули по деревянному полу. Мимо меня, едва не сбив с ног, пронёсся закованный в лёгкую броню мечник, бросив презрительный взгляд, словно на пустое место. Я лишь крепче стиснул зубы. Сейчас в их глазах я ничего не представляю. Ничего, это временно.

Но мой взгляд, скользивший по залу, внезапно остановился. Прямо по центру зала, в глубине, располагалась длинная стойка из полированного красного дерева, заваленная стопками документов, бухгалтерскими книгами и какими-то шкатулками. А за ней...

«Святые разработчики, – мысленно произнёс я, чувствуя, как пульс стремительно ускоряется. – Фансервис в этой реальности просто запредельный».

Там стояла эльфийка. Но это была не та надменная, утончённая лесная аристократка в закрытой мантии, которых я видел на улице полчаса назад. О нет. Это было нечто совершенно иное, нечто прекрасное.

У неё были роскошные светлые волосы с едва заметным пепельным отливом, которые спадали на спину и плечи. Сквозь эти золотистые пряди кокетливо проглядывали длинные, заострённые ушки, слегка подрагивающие от окружающего шума. На фарфоровом лице покоились аккуратные, строгие очки в тонкой серебряной оправе. Очки на эльфийке! Этот контраст

между древней, магической расой и строгим атрибутом офисного работника бил точно в цель, создавая образ строгой, но невероятно притягательной учительницы.

Но главным магнитом для глаз – и я готов поспорить на что угодно, что не только для моих – была её фигура. Эльфийка была одета в белоснежную блузу, которая облегла её тело так плотно, словно была сшита на заказ у лучшего портного королевства, и грозила треснуть по швам при каждом резком движении. Эта блуза обладала невероятно глубоким, откровенно провокационным вырезом, который едва-едва, из последних сил сдерживал её выдающиеся, пышные формы. Каждый раз, когда эльфийка наклонялась над столом, чтобы взять какой-нибудь документ или поставить печать, добрая половина зала слева на секунду замолкала, мужики забывали про выпивку, а их взгляды намертво приклеивались к стойке.

Я похлопал себя по щекам, стяхивая наваждение. Взял себя в руки, поправил грязную крестьянскую рубаху, сглотнул и уверенно зашагал к стойке. Подойдя вплотную к полированному дереву, облокотился на стойку, стараясь не выглядеть как побитая собака.

– Добрый день, – произнёс, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно, уверенно, скрывая нервозность новичка.

Эльфийка оторвалась от сортировки каких-то свитков, изящным движением указательного пальца, на котором поблёскивало тонкое серебряное кольцо, поправила очки на переносице и посмотрела на меня. Её глаза оказались глубокого изумрудного цвета. Она окинула меня быстрым, профессиональным взглядом. Мою грязную одежду, синяк на скуле, отсутствие какого-либо оружия, измождённое лицо – всё это было проанализировано, взвешено и задокументировано в её голове за долю секунды. Но на лице не дрогнул ни один мускул. Ни капли презрения.

– Добро пожаловать в отделение гильдии авантюристов города Норвен, – её голос показался мне бархатным, с лёгкими, музыкальными нотками, но при этом деловым и слегка отстранённым. – Я – старший регистратор Сильвия. Желаете подать заявку на вступление, сообщить о выполненном заказе, купить материалы или оставить запрос на наём специалиста?

– Вступление, – коротко кивнул я. – Хочу стать авантюристом.

Сильвия выдвинула ящик стола и достала чистый лист пергамента, а также перо, кончик которого слабо светился синим магическим светом.

– Хорошо. Ваше имя?

– Макс, – я решил не изобретать велосипед. Запоминать выдуманное, сложное фэнтезийное имя в стрессовой ситуации – прямой путь к провалу. К тому же, если оно покажется странным, это лишь укрепит мою легенду.

Перо в руке Сильвии замерло. Она чуть приподняла бровь, глядя на меня поверх своих строгих очков.

– Макс? – переспросила она, ушки забавно дёрнулись. – Необычное звучание для наших краёв. Это ваше полное имя?

– Да, – я и глазом не моргнул, выдерживая её проницательный взгляд. Все пошло по плану. – Полное. Я прибыл издалека, из-за гор. Дорога была тяжёлой. Но, к сожалению, по пути меня ограбили. Я помню своё имя, помню, как говорить, но многое о самом мире, о том, кто я такой и откуда точно шёл – словно в тумане. Так что ни документов, ни рекомендательных писем, ни родословных у меня нет. Начинаю с чистого листа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.